

Научная статья
УДК 94(47)“1879/1885”
DOI: 10.32516/2303-9922.2024.52.8

Афганистан в центре Большой игры. 1879—1885. Акт пятый: Присоединение Мервского оазиса

Дмитрий Валентинович Васильев

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Аннотация. Присоединение Мервского оазиса к Российской империи стало довольно редким для российской Центральной Азии явлением, когда намерение военных создать форпост, угрожающий афганскому Герату, соединилось с готовностью местного населения перейти под покровительство России. Завоевание Ахал-Теке произвело сильное впечатление как на туркмен, так и на региональных внешнеполитических акторов. Местные жители ощутили грозное и твердое могущество империи. Персия осознала готовность России до конца реализовать идею объединения под своей властью всех туркмен. Афганистан увидел главное направление возможного вторжения северного соседа, а Лондон вновь стал искать пути сдерживания Петербурга. Как и всегда в условиях Большой игры, в деле дальнейшего расширения российских владений в Центральной Азии не было единства. Закаспийские военные власти готовы были неуклонно идти к афганской границе, в то время как в столице форсирование событий считали излишним. Готовность местного населения перейти под покровительство России стало решающим аргументом в присоединении оазиса к империи. Исходя из принципа добровольности, в Мерве была учреждена администрация, которая строилась на имперских началах, но в значительной степени учитывала местные традиции.

Ключевые слова: Закаспийская область, туркмены, Мерв, оазис, Персия, Афганистан, Великобритания, Большая игра, административная политика.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, реализуемого в Российской академии предпринимательства.

Для цитирования: Васильев Д. В. Афганистан в центре Большой игры. 1879—1885. Акт пятый: Присоединение Мервского оазиса // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 4 (52). С. 112—128. URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/52/8_52_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.52.8.

Original article

Afghanistan at the Center of the Great Game. 1879—1885. Act Five: Annexation of the Merv Oasis

Dmitry V. Vasilyev

Moscow City University, Moscow, Russia, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Abstract. The annexation of the Merv oasis to the Russian Empire became a rare phenomenon for Russian Central Asia, when the military's intention to create an outpost threatening Afghan Herat was combined with the willingness of the local population to come under the protection of Russia. The conquest of Ahal-Teke made a strong impression on both the Turkmen and the regional foreign policy actors. The locals felt the formidable and solid power of the empire. Persia realized Russia's readiness to implement the idea of uniting all the Turkmen under its rule. Afghanistan saw the main direction of a possible invasion by its northern neighbor. And London began to look for ways to hold St. Petersburg at bay again. There was no unity in the Russian capital in understanding the imperial tactics in Central Asia. The Transcaspian military authorities were ready to steadily move towards the Afghan border, while the central government considered forcing events to be unnecessary. The willingness of the

© Васильев Д. В., 2024

locals to come under the protection of Russia became the decisive argument in the annexation of the oasis to the empire. Soon an administration was established in Merv, which was built on imperial principles, but largely took into account local traditions. This was in accordance with the general practice of the Russian Empire.

Keywords: Transcaspian Province, Turkmen, Merv, oasis, Persia, Afghanistan, Great Britain, Great Game, administration policy.

Acknowledgements. The research is supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship.

For citation: Vasilyev D. V. Afghanistan at the Center of the Great Game. 1879—1885. Act Five: Annexation of the Merv Oasis. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 4 (52), pp. 112—128. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.52.8>.

Введение

Завоевание Ахал-Теке, как известно, не остановило продвижение русских в туркменские земли, а потому сохранилось и напряженное взаимодействие Российской империи с ее суверенными ближними и дальними соседями. Охваченный смутой смены монарха Афганистан восстанавливал географию своих владений и не мог играть активную роль во внешнеполитической жизни региона, что, тем не менее, не мешало ему вести разведывательную деятельность на территориях, находящихся в сфере российских интересов. Более того, из-за спины Афганистана не собиралась уходить Великобритания, зорко следившая за якобы нарастающей угрозой Герату с севера. Наконец, Персия. Она названа в конце списка не по значимости. Из всех внешнеполитических акторов это государство, пожалуй, единственное имело реальный повод для беспокойства. Но практика показывала, что Российская империя отнюдь не претендовала на суверенную территорию своего южного соседа. Дискуссия велась о туркменах, которые не стремились принять персидское подданство. С большей готовностью они принимали покровительство России, обещавшей не только безопасность, но и административные привилегии.

Последнее позволяет выделить рассматриваемый в статье исторический эпизод как отдельный период и российской истории, и истории англо-русского противостояния в Центральной Азии. Речь идет о том, что боестолкновений российских войск с туркменами не было и Мерв был присоединен к империи мирным путем. А потому, по исторической практике, Россия должна была установить на новых территориях режим более мягкий по сравнению с завоеванными землями. И пример Мервского оазиса подтверждает это в полной мере. Готовность Тифлиса и Петербурга идти на контакт с коренным населением объяснялась и особым стратегическим положением новых территорий. Укрепляясь в направлении на Герат, империя хотела рассчитывать на лояльность местного населения и его готовность поддержать новую власть в случае возможной агрессии с афганской стороны.

Единственным полномасштабным трудом, посвященным присоединению Мервского оазиса к Российской империи, является монография академика М. Н. Тихомирова [16]. Кроме вопросов, связанных с продвижением России в Ахал-Теке и Мерв, автор довольно подробно рассмотрел деятельность на стратегически важных для русских землях английских агентов (в первую очередь О'Донована), а также афганских и индийских деятелей, намеревавшихся создать в Мерве некую мусульманскую теократию. На желание Лондона осуществить «прямой или косвенный захват Мерва» обращал внимание в своей книге «Присоединение Средней Азии к России» Н. А. Халфин [18]. Исследованные им публикации в британских газетах и журналах убеждают, что англичане подчеркивали особую роль этого оазиса в «защите Индии». Автор отметил, что «утверждение России в Мерве породило бурную реакцию в Англии. Наиболее агрессивные круги призывали к немедленной войне. Либеральное правительство Гладстона, демагогически заверявшее

Петербург в дружбе, не менее демагогически продолжало выдавать себя за защитников интересов Афганистана, якобы нарушенных изменением статуса Мерва» [18, с. 364].

Нельзя обойти вниманием известную книгу П. Хопкирка [19], который небезосновательно рассматривает движение на Мерв как хитрый антибританский маневр, повлекший за собой обострение международной обстановки. Однако будучи наследником британского подхода к внешним территориям, он не останавливается на оценке мероприятий российского правительства по интеграции туркменских земель в общеимперское пространство.

Существуют историографические статьи, посвященные анализу современных работ по истории российско-британских отношений в Центральной Азии [5; 17]. Часто обращение к проблематике Большой игры оставляет вне сферы внимания туркмен, на территории которых собственно и разворачивались военно-политические события, а также Персию, которая в этих условиях реализовывала собственные интересы. Но и здесь можно отметить труды, авторы которых расширяют спектр субъектов этого сложного внешнеполитического взаимодействия [3; 4].

Современная научная литература отнюдь не изобилует публикациями по истории перипетий включения Мервского оазиса в состав Российской империи. Развитие внутритуркменской ситуации накануне присоединения Мерва в контексте взаимоотношений российских властей разного уровня и локализации рассмотрел Р. Ю. Почекаев [11, с. 175—177]. Следует особое внимание уделить работе Е. Ю. Сергеева, в которой автор, хотя и уделил рассматриваемым событиям не так уж много места, но обратил внимание на то обстоятельство, что присоединение к Российской империи оазиса было воспринято в Лондоне как нарушение «многократных заверений царских дипломатов об отсутствии у России каких-либо агрессивных замыслов относительно Мерва» [14, с. 177]. А потому это событие стало очередным шагом к эскалации напряженности между двумя странами.

Среди актуальных работ иностранных авторов, чьи труды заслуживают упоминания в связи с обозначенной проблематикой, необходимо упомянуть монографию А. Моррисона, в которой он затрагивает не только военные, но и административные аспекты освоения новых владений империи [23, р. 462—475].

В связи с тем, что значительное место в предлагаемой статье уделено вопросам организации гражданского управления Мервским оазисом, необходимо обратить внимание на труды российских историков, разрабатывающих проблематику культурного (в широком формате) воздействия русских на инокультурную цивилизационную среду на юго-востоке Российской империи [6—9].

Фрагментарность историографического охвата рассматриваемых событий и образование в исторической науке лакуны в части исследования взаимосвязи внешнеполитических мотивов и внутривнутриполитических действий Российской империи обусловили возобновление интереса к вопросам расширения территории России с акцентом на организацию управления новыми подданными, тем более что случай с Мервом дает, пожалуй, последний пример добровольного вхождения в состав империи и соответствующего способа организации управления на новых территориях.

Соединение в одном предмете внешне- и внутривнутриполитических аспектов диктует необходимость отталкиваться от концепции «новой истории империи», позволяющей расширить методологические границы исследования. При этом обширная документальная база требует применения уже привычных для таких случаев методов — критики и анализа материалов, связанных с трактовкой внешнеполитической ситуации; формально-юридического и историко-правового методов при обращении к документам, характеризующим организацию управления вновь приобретенной территорией.

Источниками статьи стали документы Российского государственного военно-исторического архива, Национального исторического архива Грузии и Центрального государственного архива Туркменистана, опубликованные в сборнике «Присоединение Туркмении к России» [12], а также неопубликованные материалы из Национального исторического архива Грузии и Российского государственного исторического архива, содержащие сведения о внешнеполитических событиях вокруг присоединения Мервского оазиса, и документы, регламентирующие формирование в нем новой российской администрации. Не привлекавшийся историками до сих пор текст фрагмента утвержденного Проекта изменения и дополнения Временного положения об управлении Закаспийской областью и Положения об управлении бывшим Закаспийским краем 1884 г. приводится из «Сборника приказов по военному ведомству» [15, с. 276—278].

И хотя в предлагаемой статье фигурируют британские шпионы (например, Э. О’Донован в Мерве и Ч. Марвин), материалы их наблюдений [20—22; 24; 25] исключены из комплекса источников как имеющие опосредованное отношение к российской политике в регионе. То же касается и трудов известного британского востоковеда Г. Роулинсона [26], полностью погруженного в идеологию британо-русского противостояния и весьма далекого от положения «идеального хрониста». Именно поэтому его работы, безусловно, позволяют в красках воспроизвести ситуацию Большой игры, но мало способствуют пониманию природы российской политики в Мерве.

Результаты исследования

Еще накануне Ахалтекинской экспедиции начальник Главного штаба Ф. Л. Гейден в связи с обращением мервского Баба-хана о подданстве высказался о необходимости установления более тесных отношений с жителями оазиса. «Весьма вероятно, что среди мервских туркмен существуют три партии: персидская, английская и русская. Отказываться от влияния на расположенных к подданству нашему туркмен равносильно усилению английской партии. Добавим, что персидская партия считает себя тоже противной русским, так как предположения о подданстве, делаемые этой партией персидскому правительству, совпадали несколько раз с движением наших войск к Ахалтекинскому оазису и прекращались с отступлением наших отрядов обратно. Предполагаемое занятие Ахалтекинского оазиса в конце концов должно усилить русскую партию среди мервских туркмен, уважающих только силу, и, быть может, поддерживая сношения с представителями этой партии сперва письменно, а затем через посольство, в недалеком будущем возможно мирное окончание мервского вопроса без военного движения и денежных затрат. Если бы мирное подчинение нам мервских туркмен, пока еще мало вероятное, состоялось, то это событие произвело бы на Среднюю Азию, в особенности на Афганистан и Персию, огромное впечатление в нашу пользу и доставило бы нам значительные выгоды как политические, так в особенности и торговые» [12, с. 402].

Но о мирном подчинении мервских туркмен говорить было преждевременно. И дело не только в происках англичан, направивших оружейников, призванных наладить соответствующее производство и отремонтировать укрепления [12, с. 531—532], но и в непрозрачной деятельности британца О’Донована [12, с. 537].

Занятие войсками под командованием М. Д. Скобелева Ахалтекинского оазиса активизировало деятельность приграничных персидских властей, призывавших мервских лидеров к переходу под покровительство Тегерана перед лицом их «непременного истребления» русскими [12, с. 551], которые якобы инспирировали приезд мервских делегаций с прошениями о подданстве [12, с. 553]. И, надо сказать, каджарские эмиссары кое-где фактически распространяли свою власть на прежде независимых туркмен в районе, например, Серакса и Душака.

При этом документы фиксируют не только желание мервских туркмен перейти под покровительство России, которую они, несомненно, считали более мощной державой [12, с. 552—553], но и переселение их на территорию, подконтрольную российским властям [12, с. 553]. Если верить донесениям, то некоторые из туркмен спешили опередить конкурентов и склонить соотечественников к принятию подданства Российской империи [12, с. 554].

Российское военное начальство убеждало (почти угрожало) жителей Мервского оазиса в преимуществах имперского покровительства: «Реки туркменской крови, пролитые под Геок-Тепе, ясно доказывали, что... лучше быть с русскими в дружбе, чем во вражде» [12, с. 554—555]. А дипломаты требовали от персидских властей отказаться от идеи подчинения себе туркмен, проживавших в стратегически важных для России районах [12, с. 555]. Одновременно мервские туркмены не оставляли своих просьб о российском покровительстве [12, с. 564]. Весьма интересно, что на стороне российских властей агитатором туркмен района Мерва стал и хивинский хан [12, с. 564—565], действовавший «по приказанию туркестанского генерал-губернатора» [12, с. 575]. Развернутая кампания оказалась достаточно успешной — массовые делегации прибывали в Асхабад с просьбами о принятии подданства белого царя [12, с. 565].

Все это давало основания военному министру заявлять: «Мне кажется, что ввиду общего движения текинских и мервских депутаций с предложением покорности нашим властям дальнейшие колебания нашего представителя в Тегеране как по этому, так и по другим связанным с Атеком и Мервом вопросам не должны бы уже более иметь места» [12, с. 566].

Желая мирно овладеть Мервом, российские власти не спешили форсировать события, полагая, что первые посланцы туркмен еще не обладали достаточными полномочиями [12, с. 576—577].

Дальше шли боевые генералы, не терявшие вкус громких побед. Они настаивали на том, что «вопрос о мирном подчинении Мерва нашей власти есть вопрос из области хороших, но праздных мечтаний. ...Мервцы, высказывающиеся за отдание себя под покровительство России, очень хорошо понимают, что это их ни к чему не обязывает. Для того чтобы заставить их выполнять условия, на основании которых они взяты под наше покровительство, нам пришлось бы снаряжать экспедицию в таких же размерах, как и для самого покорения Мерва, а они уже видели, каких усилий нам стоило, чтобы покорить Ахал-Теке. Или же мы должны издали смотреть молча, как нарушаются условия покровительства. Но это нас только дискредитировало бы в глазах Азии. ...С Мервом можно вести переговоры только посредством пушек» [12, с. 591—592, 595]. Заметим, что некоторые закаспийские генералы выступали против включения Мерва в состав российских владений, так как это приблизило бы границу империи к весьма активным народам Паропамиза, которые, по их мнению, не дали бы покоя новым приграничным территориям.

Так или иначе, в ноябре 1881 г. закаспийское военное командование заключило с мервскими туркменами соглашение, по которому последние приняли на себя обязательство «никогда и ни под каким предлогом не поднимать оружия против русских и во всем слушаться приказаний и советов русских начальников, поставленных государем императором всероссийским над туркменскими народами», прекратить набеги и торговлю невольниками, охранять караваны и, что не менее важно, «кроме русских посланцев не допускать в свои земли агентов от других правительств». Русские же, со своей стороны, обещали «1-е. Не нарушать ни религии, ни обычаев, ни порядка управления, ныне в Мерве существующих. 2-е. Не назначать в Мерве особых русских начальников. 3-е. Не налагать на мервцев никаких податей. 4-е. Оказывать мервским туркменам в русских

пределах... покровительство...» [12, с. 598—599]. Забегая вперед, справедливости ради следует заметить, что не все эти обещания русские впоследствии выполнили.

Произошло как раз то, от чего предостерегал генерал М. Д. Скобелев. Максимум, на который он был согласен в отношении Мерва, это военная экспедиция, «но с тем, чтобы по разорении его он был оставлен нами». Однако, судя по всему, верх одержала идея кавказского начальства: «Мы можем успокоиться лишь тогда, когда все реки, текущие с Паропамиза к северу, будут находиться в нашей власти» [12, с. 595, 594]. По-видимому, стремясь сократить разного рода расходы на содержание подвластных территорий, имперские власти пытались превратить Мервский оазис в некое подобие протектората.

Можно утверждать, что авторитет российской власти на юго-востоке туркменских земель возрастал по мере ослабления интереса к южному соседу (Персии). Одновременно осложнилось положение британских агентов, еще недавно пытавшихся образовать на территории оазисов антироссийскую колонну. Начальник Закаспийской области докладывал: «Услыхав о выезде из Асхабада в Мерв русского офицера (Тыкма-сардар), О’Донован поспешил оставить эту страну с угрозами возвратиться врагом, оставив в Мерве долги и незавидную репутацию. ...Вообще, надо полагать, что в данную эпоху влияние англичан в Мерве кончено, хотя... англичане продолжают зорко следить за тем, что там делается» [12, с. 574].

И действительно, «корреспондент газеты “Daily News” г<осподин> О’Донован тотчас же по возвращении в Персию вновь вошел в роль защитника независимости мервских туркмен против честолюбивых замыслов России». При этом российский посланник в Персии справедливости ради заметил: «Так как он не принадлежит к числу правительственных агентов, то остается прийти к заключению, что он делал это с целью придать личности своей наиболее рельефности и подделаться под господствующие в Англии предубеждения» [12, с. 582]. При этом дипломат был убежден, «что поездка г<осподина> О’Донована в Мерв имела исключительной целью агитацию против России». Он извещал столичное начальство: «Судя по последним сведениям из Мерва, известия о взятии Герата эмиром Абд-ар-Рахман-ханом подняло дух многочисленных приверженцев соглашения с Англией. До генерала Рерберга¹ дошли даже слухи, что будто бы Махтумкули-хан вошел с англичанами в сношения, получил от них подарки и отправляется со своими всадниками на службу эмира» [12, с. 583]. Во всяком случае, были сведения о том, что внушаемый Россией страх толкал большинство мервцев ходатайствовать о защите со стороны Великобритании.

С другой стороны, туркмены не смутились вторгнуться в пределы Гератской области, что не могло не насторожить имперского посланника в Тегеране, уже явно видевшего перспективу России у ворот Афганистана: «Влияние, которое мы начинаем приобретать в Мерве, нам следует направить к предупреждению в будущем подобных враждебных покушений, так как вторжения мервцев в пределы Афганистана могут при случае послужить Англии поводом к вмешательству в туркменский вопрос, который отныне должен сделаться исключительно русским вопросом» [12, с. 583]. Какой бы оборот ни принимали российско-британские отношения, у дипломатического Петербурга не было ни малейшего желания их обострять. Как и не было намерения включать британцев в делимитационную комиссию по персидско-туркменской границе [12, с. 584].

Тем временем среди туркмен распространялись слухи о намерении англичан прибыть в Серахс [12, с. 590]. Однако не следует воспринимать британские действия в отрыве от российских. Вполне очевидно, что движение российских войск на Ахал было продиктовано стремлением поставить предел британским интересам в регионе [2]. Рос-

¹ Рерберг Петр Федорович, генерал-лейтенант, начальник Закаспийской области в 1881—1883 гг.

сийские мотивы в Центральной Азии отнюдь не были загадкой для Лондона. Поэтому нельзя удивляться тому, что в правящих кругах Британской империи «дух вражды не исчез, и тайные приготовления в военно-консервативной партии к войне с Россией не прекращаются. В журнале “Army and Navy Magazine” за ноябрь 1881 г. помещена громкая статья Марвина под названием “Потерян ли Герат для Англии”, где доказывается, что России из Ахалтекинского края легче двинуть войска до Герата, нежели Англии из Сакара, Сиби и Кветы. Полковник Стюарт, наблюдавший за экспедицией генерала Скобелева из Магометабада в Дерегезе, ныне находится в Кафе, недалеко от северной границы Хорасана, и, конечно, изучает местность между Мешхедом и Гератом в видах могущего быть столкновения там России и Англии. Майор бомбейской армии G. C. Sartorius выехал отсюда в начале октября с множеством карт России и намерен осматривать Кавказ, Каспийское море и даже сибирскую границу. Вице-адмирал сэр Эдмунд Комерель (Commerell) в конце октября осматривал Керчь и старался внимательно изучить вопрос о проходе в Азовское море мимо Керчи через прорытые косы у Ахтанизовского лимана. Вообще признаки враждебной деятельности заметны» [12, с. 600].

Английские агенты продолжали действовать на подконтрольной России территории [12, с. 601], прибывали новые [12, с. 605—606]. Своих шпионов посылал афганский эмир Абд-ар-Рахман и правитель Герата [12, с. 609, 652]. Текинцы мервского оазиса находились в «беспрерывных сношениях и дружбе с англичанами» [12, с. 613]. Упомянутый выше Чарльз Марвин весной 1882 г. прибыл в российскую столицу для сбора сведений о русско-персидской границе. На высочайшем уровне его было запрещено пускать в Красноводск [12, с. 631—632]. В Мерв и Ахал направлялись и мусульманские фанатики из северных районов Индии [12, с. 652].

Одновременно британская агентура активизировала свою деятельность через Афганистан. Российский посланник в Персии докладывал своему министру: «Говорят, что для упрочения своего влияния в Мерве гератские власти, руководствуясь указаниями английских агентов и, в особенности полковника Стюарта, проживающего в Хафе, действуют двояким образом. С одной стороны, они стараются запугивать мервцев, распространяя слухи о том, что будто бы эмир намерен в непродолжительном времени предпринять экспедицию против Мерва для наказания населения онога за набеги, совершенные минувшей осенью на гератскую территорию, а с другой стороны, через тайных эмиссаров стараются внушить мервцам, что, вступив в соглашение с эмиром, они обеспечат себя от честолюбия России и приобретут право на нравственное и материальное содействие Англии» [12, с. 633].

Имперский посланник в Тегеране И. А. Зиновьев убеждал, что «факт существования сношений между правителем Герата и некоторыми из мервских ханов едва ли может подлежать сомнению ввиду того, что оный подтверждается сведениями, полученными как из той, так и из другой местности» [12, с. 633]. Одновременно российский посланник в Мешхеде сообщал об изменении британских разведывательных планов, что полковник Стюарт, планировавший поездку в Бирдженд и Систан, решил изменить направление на Серахс [12, с. 634] и далее на восток, что явно демонстрирует повышение интереса к Мерву и гератскому направлению. А английский агент в Мешхеде Мирза Аббас-хан вместе со своими многочисленными коллегами вели «деятельную пропаганду, стараясь внушать как высшим сословиям Хорасана, так и простому народу, что Россия намерена отнять эту провинцию у Персии» [12, с. 634].

На этом фоне российские министры сохраняли убежденность в необходимости «завязать сношения с Мервом, что в настоящее время только при помощи этих сношений мы можем приискать средства для мирного разрешения весьма серьезной и сложной задачи:

связать Туркестанский край наш с Закаспийской областью. От удачного разрешения этой задачи зависит будущее преуспевание помянутого края. В настоящее время Мерв представляет единственную серьезную преграду на пути между среднеазиатскими владениями нашими и Каспийским морем, и упрочение в стране этой нашего влияния мирными средствами если не навсегда, то, во всяком случае, надолго отстранит необходимость военной экспедиции в Мургабский оазис... которая потребует от нас громадных жертв» [12, с. 639].

Имперские министры, подчеркивая ценность контроля над Мервом, умалчивали о российском интересе к гератскому направлению и заявляли лишь о вполне логичной необходимости установления связи между Закаспийской областью и Туркестанским генерал-губернаторством. Так ли было на самом деле? Вряд ли. Особенно учитывая совсем недавние события в Ахал-Теке.

Однако не стоит думать, что столь значимые и осведомленные государственные деятели (главы внешнеполитического, военного и финансового ведомств) и не предполагали «гератского интереса». Необходимо признать, что они ставили свои подписи под журналом (протоколом, мнением), но не под стенограммой. А потому о том, что они имели в виду, подписывая этот документ, а что осталось лишь высказанным и в него не внесенным, мы уже никогда не узнаем.

Генерал Н. И. Гродеков весьма откровенно дополнил незавершенную концепцию российских завоеваний в Туркмении. «Героический период Туркестана, по-видимому, кончился. Но Туркестан не может служить нам и в качестве плацдарма, ибо из него выхода нет, и давления на Англию оттуда сделать нельзя. Вместо него таким плацдармом сделали Закаспийскую область. Завоевание Ахалтекинского оазиса предпринято было с целью создать из него педаль, с помощью которой мы будем в состоянии видоизменять камертон нашей политики как относительно Великобритании, так и Персии и Афганистана. И чтобы это не было звуком пустым, построили железную дорогу, затратив на нее до 12 000 000 рублей (считая здесь и подвижной состав). Предполагается, что с помощью ее мы в самое короткое время с значительными военными силами можем появиться на Герируде¹. Завоевывая Туркестан, мы мечтали угрожать оттуда Индии. Но когда пришлось угрозу приводить в исполнение, то оказалось, что мы стоим перед пропастью, которую перескочить не сможем. Завоевав Ахал-Теке, мы тоже думаем угрожать Индии» [12, с. 664—665].

Тогда же Особое совещание по среднеазиатским делам вновь обратилось к теме организации имперского пространства в Центрально-Азиатском регионе и подтвердило, что для устранения неудобств коммуникации «и для поднятия экономического и торгового значения Туркестанского края необходимо связать его с Каспийским морем и для этого требуется изменить границу нашу и провести таковую, начиная от Кашгара по снеговому хребту, окаймляющему с юга Амударью, до границы бухарских владений с Бадахшаном и далее по течению Амударьи, правый берег которой будет принадлежать нам, от упомянутой границы до Чарджуя, где граница перейдет Аму и направится на юго-запад по караванному пути в Мерв и далее до Серахса на соединение с нынешней закаспийско-персидской границей. При таком очертании границы ханства Бухарское и Хивинское должны будут сполна войти в район наших владений» [12, с. 644]. Иными словами, тема овладения Мервом сохраняла свою геополитическую актуальность.

Не менее ценно другое замечание министров, касающееся нежелательности изменения текущего статуса ханств и отношения к ним имперского правительства: «Нам тем старательнее следует воздержаться от всякого шага, который мог бы впоследствии пове-

¹ Река, в туркменских землях называемая Тедженом.

сти к изменению настоящих отношений, что существующий в среднеазиатских странах порядок вещей отличается вообще непрочностью, что самая своеобразность этих стран исключает по большей части возможность их переустройства и что поэтому почти неизбежным последствием всякого изменения условий их существования является далеко не всегда желательное присоединение независимых владений к России, территория которой в Средней Азии и без того уже весьма обширна и требует от нее значительных и по большей части непроизводительных затрат» [12, с. 646—647].

Иными словами, правительство не желало ассимилировать ханства не в последнюю очередь из-за бессмысленности лишних расходов и потенциального снижения уровня администрирования огромной территорией края. И хотя в это время вопрос о будущей организации мервских владений еще не ставился, можно было ожидать такого же административного минимализма.

Кавказское начальство вполне сдержанно реагировало на неудачи в установлении тесных связей с населением Мерва, предлагая свой вариант развития событий. «Что касается до сношений наших с Мервом, то хотя они довольно деятельно поддерживаются с обеих сторон, однако существенных результатов пока не достигнуто. Нисколько не отвергая пользы установления возможно частых торговых и иных сношений с Мургабским оазисом, я позволяю себе думать, что влияние наше там может утвердиться не заискиванием у мервцев, не навязыванием им непременно наших взглядов на необходимость торгового и политического сближения с ними, а наоборот, принятием относительно Мерва благонамеренного, но более сдержанного положения, которое убедило бы его, что мы в нем не нуждаемся, будем рады войти с ним, если пожелает, в более близкие сношения, но в то же время всегда сумеем заставить его, когда признаем нужным, подчиниться нашим требованиям. Мне кажется, что такой образ действий более соответствовал бы понятиям азиатских народов о нашем могуществе и вполне согласовался бы с достоинством правительства русского царя» [12, с. 657].

Намерение России так или иначе овладеть Мервом поставило на повестку дня вопрос об административном урегулировании в регионе. Ведь Закаспийская область, основной актор этого процесса, подчинялась кавказскому начальству, а Хивинское ханство, выдвинувшее своего ставленника на ведущую роль в Мерве, находилось в зависимости от туркестанского генерал-губернатора через начальника Амударьинского отдела.

В разгар описываемых событий и в регионе, и в столице активно обсуждался вопрос о будущем устройстве центральноазиатских владений Российской империи, в число которых, кроме уже привычных административно аккультурируемых территорий (областей), на правах протекторатов входили Бухарское и Хивинское ханства, а Кокандское в силу острого внутреннего конфликта этот статус утратило и стало частью непосредственных российских владений. Наверняка пример Коканда подталкивал заинтересованных представителей имперской администрации к далеко идущим размышлениям о будущем огромного региона. Так, генерал-майор Ю. А. Борх, командовавший 1-й бригадой 19-й пехотной дивизии на Северном Кавказе, озвучил витающую в воздухе идею: «С неминуемым падением Бухары, Хивы и Мерва наши среднеазиатские владения расширятся до таких необозримых пределов, что управление ими централизованное, как в настоящее время, в руках одного туркестанского генерал-губернатора, управляющего этим миром из Ташкента, станет безусловно невыносимо; тогда появится настоятельная необходимость учреждения среднеазиатского наместничества с разделением его на три генерал-губернаторства» [12, с. 608].

По всей видимости, правительство не желало столь серьезных административных преобразований, грозивших новыми колоссальными расходами. Тем не менее оно об-

суждало, казалось бы, актуальный вопрос об объединении Закаспийской области и Амударьинского отдела в одну административно-территориальную единицу, независимую от кавказского начальства. Но эта мысль была признана несвоевременной и отвергнута министрами [12, с. 673—678].

Так или иначе, российским властям удалось путем длительных переговоров добиться от мервских туркмен вполне легитимного обращения к государю с просьбой о принятии их в российское подданство [12, с. 688—689]. Тогда же из Мерва был отозван наместник хивинского хана, исполнявший по указанию туркестанского генерал-губернатора функции местного лидера [12, с. 689—690]. Было объявлено о присоединении Мерва к Российской империи и об аресте находившихся в нем трех афганцев — британских агентов [12, с. 690—691].

Присоединение Мерва поставило задачу организации управления новой территорией. Главнначальствующий гражданской частью на Кавказе предложил «согласно просьбе мервцев, назначить к ним русского начальника, офицера, с небольшим конвоем из туземных фераджей [всадников. — *Д. В.*] наподобие английских резидентов в вассальных государствах Индии, но отнюдь не посылать в Мерв никакой русской военной команды, так как это могло бы увлечь нас слишком далеко, и всякое оскорбление военной там силы или нападение на нее заставило бы нас занять Мерв регулярными войсками, т.е. вызвало бы новые значительные расходы» [12, с. 692]. Иными словами, князь А. М. Дондуков-Корсаков видел Мерв поначалу чем-то вроде протектората, что не противоречило позиции министров, сформулированной летом 1882 г.

Однако установленные начальником области генералом А. В. Комаровым административные институты несколько отличались от великокняжеского варианта. Речь уже не шла о протекторате или вассалитете. Провозглашалось образование Мервского округа со штатом управления, практически совпадающим со штатом округа Ахалтекинского. Мервский округ делился на четыре участка, во главе каждого из которых оставался правивший на момент завоевания хан с окладом в 2000 руб. в год (позднее был уменьшен). При этом утвержденный в 1882 г. штат уездных управлений установил для начальников уездов годовое жалованье в 1250 руб. и столько же столовых — всего 2500 руб. [13, л. 93]. На округ распространялись правила, установленные во Временном положении об управлении Закаспийской областью и в Положении о судебной части в Закаспийской области. На местное население возлагалось содержание всадников при начальниках округа и участков [12, с. 696]. Вероисповедание туркмен сохранялось в неприкосновенности, как и народный суд, с тем лишь отличием, что ставился под надзор начальника Мервского округа. Для уголовных преступлений против русских, преследования государственной измены, разбоя, грабежа и бунта, преступлений против казенного имущества создавался суд по российским законам. Плен и работорговля запрещались. Туркменам предоставлялись права и обязанности российских подданных. На них возлагались обязанности по очистке колодцев и поддержанию безопасности на караванных дорогах [12, с. 702].

Завоевание Мерва повлекло за собой присоединение к империи довольно значительной территории. И, говоря о ее гражданском переустройстве, хочется обратить внимание на одно весьма симптоматичное обстоятельство. Мы знаем, что на земли, представлявшие для империи чрезвычайно важное стратегическое значение, она стремилась распространить общегосударственную администрацию, привычную и десятилетиями демонстрировавшую свою эффективность внутри России. Иными словами, где могла, она моделировала «единую и неделимую» Россию из Нероссии. Заметим, что спустя относительно небольшое время Лондон признал, что «благодаря занятию русскими Мерва в этих краях водворилось спокойствие» [1, с. 328].

Новый начальник Закаспийской области А. В. Комаров в начале февраля 1884 г. издал приказ об организации управления на вновь присоединенных землях, причем одну их часть назвал Мервским уездом, а другую — Тедженским округом [10, л. 5]. Появление в Закаспийской области еще в 1882 г. уездов убеждает в правоте мысли о том, что Российская империя несла в этот край свою регулярную административную систему, пусть в упрощенном и приуроченном к местным условиям виде, но с перспективой к развертыванию во всей ее полноте. Из этого, конечно, выбивался Тедженский округ как своеобразная административная ретроспектива — сохранение экстраординарной административно-территориальной единицы, предшествовавшей обычной организации.

Знакомство с документами убеждает, что, даже называя новые территории округами, ключевые деятели, имевшие отношение к российской политике в регионе (министры иностранных дел и военный, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе), исходили из того, что управление Тедженским и Мервским округами следует организовать «применительно к таковому же, действующему в уездах Закаспийской области» [10, л. 13]. А потому упомянутую выше правку следует отнести к более позднему времени, когда встал вопрос о дополнении представленной тремя уездами административно-территориальной структуры Закаспийской области четвертым Мервским уездом.

19 октября 1884 г. высочайшее утверждение получило положение Военного совета, предложившее изменение Временного положения об управлении Закаспийской областью. Этот документ фиксировал закрепление за империей Ахалтекинско-го, Тедженско-го и Мервского оазисов. При этом две последние территории оставались пока «в ведении особого временного управления, учрежденного распоряжением местной власти» [15, с. 276].

Примечательно, что новый закон впервые на уровне верховной власти коснулся оставшегося пока без законодательного регулирования первичного управления туркменами. «Относительно... лиц туземного управления начальник области имеет право избирать туземцев для занятия должностей волостных управителей, утверждать их в сих должностях и отстранять от должностей, сменять всех других лиц туземного управления, подвергать всех должностных лиц дисциплинарным взысканиям и аресту не свыше 3-х месячного срока и предавать их за преступления суду. Ему предоставляется право представлять к наградам...» [15, с. 277].

Обычно (в других частях центральноазиатских владений) российские власти ограничивали процедуры избрания должностных лиц первичного управления коренного населения, исходя из его неготовности сразу принять европеизированную модель управления. Но туркмены традиционно избирали ханов из своей среды. А потому сосредоточение избрания и утверждения волостных управителей в руках начальника области следует рассматривать с другой точки зрения — как намерение не допустить во власть лиц, отрицательно настроенных к русской власти.

Так как в законе речь не идет об аульных властях и говорится лишь о праве начальника области «сменять всех других лиц туземного управления», то можно было бы предположить, что выборность этих лиц сохранялась. Однако это не так. Статья, регламентировавшая права уездного начальника, гласит: «В отношении лиц туземного народного управления начальнику уезда предоставляется: а) избирать лиц для заведования аулами в волостях, представляя их для утверждения в должности начальнику области, б) временно отстранять от должности аульных старшин, испрашивая утверждения этой меры у начальника области, в) подвергать должностных лиц взысканию и аресту не свыше месячного срока и г) представлять начальнику области о награждении подчиненных ему лиц и туземцев, отличившихся усердием или принесших пользу краю» [15,

с. 278]. Получается, что и самая низшая ступень первичной администрации туркмен — аул — была поставлена полностью под контроль российских властей. Словом, туркменская традиция выбора ханов была отброшена и заменена полным назначением уездными и областными начальниками. Таким образом, Закаспийская область демонстрировала жесткую административную вертикаль, непривычную для центральноазиатских владений России в 1880-е гг.

Распространение общеимперских административных норм на Закаспийский край, как было отмечено выше, явно проступает уже не столько в делении области на уезды, сколько в новшестве — формальном приравнивании начальников уездов к уездным исправникам остальной России [15, с. 278].

Удивительно, что опубликованный в открытой печати документ заметно отличался от того, который действовал с 1884 г. Дело в том, что даже утвержденное в 1882 г. Временное положение об управлении Закаспийской областью не отменяло, а дополняло Временное положение об управлении Закаспийским краем 1874 г. Поэтому в новых документах (1882 и 1884 гг.) не было необходимости повторять ранее принятые нормы. Лишь обнаруженный в Российском государственном историческом архиве документ позволяет не только прочесть полный текст высочайше утвержденного в 1884 г. Проекта изменения и дополнения Временного положения об управлении Закаспийской областью и Положения об управлении бывшим Закаспийским краем, но и установить изменения тех статей, которые не попали в публикацию в Систематическом сборнике приказов по военному ведомству.

Стоит обратить внимание на то, что на первый взгляд кажется несущественным. Так, статья, которая открывает описание первичной администрации, начинается словами «туземная администрация» [13, л. 101]. Это словосочетание примечательно тем, что употреблено вместо слов «кочевое население», что само по себе символично. Империя впервые овладела оазисами, населенными полуоседлыми и оседлыми жителями. Другое слово — «ордынцы» — было заменено на «туземцы» [13, л. 102 об.]. Это объясняется тем, что под ордынцами российское законодательство понимало кочевников, в то время как туземцами обозначали все нерусское (неславянское и неправославное) население. Это обстоятельство демонстрирует вполне очевидную для империи тенденцию к унификации законодательства на всей территории страны.

Еще одно нововведение состояло в том, что если по закону 1874 г. волостные управители утверждались в должностях главнокомандующим Кавказской армией, а аульные старшины — начальником Закаспийского отдела, то теперь все эти лица должны были утверждаться начальником области [13, л. 101 об.]. Вполне явной становится и другая тенденция — укрепление власти начальника Закаспийской области в пределах вверенного ему края.

Штаты трех уездов (Ахалтекинского, Красноводского и Мангышлакского), на которые делилась область, были фактически уравнены в численности администрации и ее содержании: для соответствующих должностных лиц было установлено одинаковое содержание [13, л. 105—106]. Это, следует повторить, свидетельствует об административной унификации и внутри области на уездном уровне.

Пока рассмотренные выше документы (изменение Временного положения и штаты) проходили процедуру утверждения, территория российских владений, как мы знаем, расширилась к югу от Мервского оазиса за счет присоединения Йолотанского оазиса и среднего течения р. Теджен в окрестностях Старого Серакса.

На первое время «управление населением обоих этих районов [было] оставлено за туземными ханами под руководством и наблюдением начальника Мервского округа» [10,

л. 13], как в это время называлась территория будущего уезда. Поясняя этот шаг, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе князь А. М. Дондуков-Корсаков объяснил причины введения этой меры: «Такая организация управления могла быть допущена лишь на первых порах как в видах политической осторожности, так и во избежание слишком больших расходов» [10, л. 13 об.].

Он же обозначил и необходимость административных преобразований на вновь присоединенных землях, мотивируя их не в последнюю очередь внешнеполитическими обстоятельствами. «В таком новом для нас крае... административные задачи по устройству оного растут с каждым днем, а политические отношения постепенно усложняются благодаря соприкосновению с Персией и Афганистаном. ...При относительной удаленности Мерва от границ Афганистана и от Серахса немисливо предоставлять далее попечение о наших интересах в Йолотане и на среднем Теджене исключительно одним туземным ханам, в особенности ввиду могущих возникнуть в этих местностях серьезных обстоятельств в связи с предстоящим разграничением с Афганистаном. Необходимо, чтобы на Йолотане и в Серахсе кроме туземных ханов постоянно находились русские начальники, которые были бы в состоянии с большим умением следить за совершающимися событиями, взвешивать значение их для наших политических видов, вести дело устройства местного населения согласно указаниям высшей администрации и вообще служить разумными и деятельными помощниками начальнику Мервского округа на южных пограничных окраинах» [10, л. 13 об.]. Словом, отношения с сопредельными государствами, в первую очередь с Афганистаном, были принципиальным фактором, определявшим внутреннюю политику в регионе.

Еще в период подготовки движения на Мерв афганский Герат был не столько вождельной целью, сколько источником экзистенциальной опасности для русских. Доходила информация о том, что там готовятся шпионы к заброске в предместья Асхабада [12, с. 652], что в Гератской долине сосредоточивается армия для движения против России [12, с. 659—661]. Хотя все понимали, что если сведениям о шпионах еще можно доверять, то информация о реальной военной угрозе является не чем иным, как досужими сплетнями.

Одновременно воинственный генерал Н. И. Гродеков критиковал имперское правительство, которое, по его мнению, видело в Герате и Афганистане друзей, обосновывая свою позицию тем, что движение России к Герату (на Мерв) могло быть принято в Афганистане за движение против него [12, с. 665].

В самом Мерве до прихода русских действовали афганские (английские?) агенты во главе с известным Сиях-Пушем [12, с. 690—691], занимавшиеся, кроме прочего, пропагандой «необходимости укрепить в первоначальной чистоте мусульманскую религию, упадку которой он приписывал силу и успехи христианских государств» [12, с. 713]. Сиях-Пуш стремился использовать любой повод к организации беспорядков, хотя и безрезультатно [12, с. 714].

23 октября 1884 г. император утвердил временный штат Тедженского и Мервского округов. Примечательно то обстоятельство, что четыре мервских хана, которым было поручено управление коренным населением оазиса сразу же после его завоевания, были включены в новую российскую административную структуру округа с жалованием (1200 руб.) лишь на 50 руб. в год меньшим, чем у начальника округа, и на 200 руб. большим, чем у русских офицеров, которые должны были занимать должности приставов [10, л. 24—25]¹. Этот шаг лишь подчеркивает транзитный характер временной администра-

¹ Следует напомнить, что первоначально жалование ханам было установлено в размере 2000 руб. [2].

ции, призванный сделать переход от традиционного управления к новому, имперскому, более мягким.

Заключение

Присоединение Мерва к Российской империи сопровождалось очередным всплеском внешнеполитической активности. Однако российскому правительству так или иначе удалось решить сложную задачу урегулирования международных отношений в регионе. Были начаты переговоры о разграничении с Персией, которая фактически признала право России принять в свое подданство туркмен, проживавших севернее ее владений. Афганистан, где новый эмир еще набирал силу, активных действий не предпринимал. То же можно сказать и о Великобритании. С одной стороны, в Лондоне сменился кабинет, и новое правительство было настроено к России менее агрессивно. С другой стороны, англичане, возможно, не ожидали броски русских на Мерв и не смогли предпринять каких-либо превентивных шагов.

А русские, присоединив Мерв, создали в его округе администрацию хотя и не в том виде, как обещали, но учитывавшую добровольность вхождения мервцев в состав империи. На первичном уровне были сохранены четыре правивших и лояльных империи хана. Эта мера вполне соответствовала практике России, реализовавшейся в первое время в других ее азиатских владениях, и была рассчитана на постепенное и мирное приобщение туркмен к новым условиям существования. Такое внимание к сохранению части традиционных институтов, без сомнения, свидетельствует о намерении империи обеспечить лояльность и поддержку коренного населения в случае возможной агрессии (британской или спровоцированной англичанами афганской) со стороны Герата.

Иными словами, период присоединения Мерва к России нельзя назвать апогеем российско-британского противостояния в Центральной Азии. Однако это был, безусловно, новый акт военно-дипломатического действия с солированием двух держав, который вполне очевидно завершился триумфальным аккордом Российской империи. На новых территориях было введено упрощенное военно-народное управление, предполагавшее в перспективе административную унификацию с прочими частями Закаспийской области.

Список источников

1. Афганское разграничение: Переговоры между Россией и Великобританией: 1872—1885. СПб. : Министерство иностранных дел, 1886. 381 с.
2. Васильев Д. В. Афганистан в центре Большой игры. 1879—1885. Акт четвертый: Ахалтекинские экспедиции // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 3 (51). С. 154—169. URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/51/10_51_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.10.
3. Васильев Д. В., Васильев С. Д. Образование Закаспийской области как фактор урегулирования русско-туркменских отношений второй половины XIX в. // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII—XIX вв. : сб. науч. тр. М. : ОнтоПринт, 2020. С. 40—47.
4. Васильев С. Д. Британское влияние на политику шахского правительства в отношении туркменских племен. Превращение Ирана в театр политического противостояния России и Великобритании // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII—XIX вв. : сб. науч. тр. междунар. семинара. М. : ОнтоПринт, 2019. С. 290—300.
5. Данков А. Г. Британская историография второй половины XX в. о «Большой игре» в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 133—138. DOI: 10.17223/19988613/41/19.
6. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи) : коллективная монография / науч. ред. проф. С. В. Любичанковский. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2019. 480 с.
7. Ковальская С. И., Любичанковский С. В. Феномен движения в жизни и культуре кочевых казахов на территории фронта (конец XIX — начало XX в.) // Oriental Studies. 2023. № 16 (1). С. 59—74. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-59-74.

8. Любичанковский С. В. Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, вып. 8. URL: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/>. DOI: 10.18254/S207987840006065-0.
9. Любичанковский С. В. История юго-восточного фронта России: актуальные проблемы, современные подходы к их решению // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2020. Т. 19, № 3. С. 520—524. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-3-520-524.
10. Национальный исторический архив Грузии. Ф. 229. Оп. 1. Д. 59.
11. Почекаев Р. Ю. Туркмены Ахал-Теке и Мерва в контексте отношений пограничных администраций российской империи (1870—1880-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 171—179. DOI: 10.17223/15617793/470/20.
12. Присоединение Туркмении к России: (сб. архивных документов) / под ред. А. Ильсова. Ашхабад : Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1960. 823 с.
13. Российский государственный исторический архив. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 82.
14. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856—1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М. : Т-во науч. изданий КМК, 2012. 453 с.
15. Систематический сборник приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за время с 1 января 1869 года по 1 октября 1887 года / сост. В. Д. Коссинский. 2-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. 1699 с.
16. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. 239 с.
17. Удербаяева С. К., Сагатов А. М. Отражение англо-русского соперничества в Центральной Азии в конце XIX — начале XX в. в научной литературе // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII—XIX вв. : сб. науч. тр. М. : ОнтоПринт, 2020. С. 163—179.
18. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М. : Наука, 1965. 468 с.
19. Hopkirk P. The great game: On secret service in high Asia. London : John Murray, 1990. 562 p.
20. Marvin Ch. Merv, the Queen of the World; and the Scourge of the Man-Stealing Turcomans. With an Exposition of the Khorassan Question. London : W. H. Allen, 1881. 547 p.
21. Marvin Ch. The Russians at the Gates of Herat. London : F. Warne, 1885. 178 p.
22. Marvin Ch. The Russians at Merv and Herat, and their Power of Invading India. London : W. H. Allen & Co., 1883. 470 p.
23. Morrison A. The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion, 1814—1914. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 613 p.
24. O'Donovan E. The Merv oasis. Vol. 1. Travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81. London : Smith, Elder, & Co., 1882. 502 p.
25. O'Donovan E. The Merv oasis. Vol. 2. Travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81. London : Smith, Elder & Co., 1882. 500 p.
26. Rawlinson H. England and Russia in the East. A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. London : J. Murray, 1875. 393 p.

References

1. *Afganskoe razgranichenie: Peregovory mezhdu Rossiei i Velikobritaniei: 1872—1885* [Afghan Delimitation: Negotiations between Russia and Great Britain. 1872—1885]. St. Petersburg, Ministerstvo inostrannykh del Publ., 1886. 381 p. (In Russian)
2. Vasil'ev D. V. Afganistan v tsentre Bol'shoi igry. 1879—1885. Akt chetvertyi: Akhaltekinskie ekspeditsii [Afghanistan at the Center of the Great Game. 1879—1885. Act Four: Akhal-Teke Expeditions]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 3 (51), pp. 154—169. Available at: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/51/10_51_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.10. (In Russian)
3. Vasil'ev D. V., Vasil'ev S. D. Obrazovanie Zakaspiiskoi oblasti kak faktor uregulirovaniya russko-turkmenskikh otnoshenii vtoroi poloviny XIX v. [Formation of the Trans-Caspian region as a factor in the regulation of Russian-Turkmen relations in the second half of the 19th century]. *Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII—XIX vv.: sbornik nauch. tr.* [Central Asia at the crossroads of European and Asian political interests. 18th—19th centuries. Collect. of sci. works]. Moscow, OntoPrint Publ., 2020, pp. 40—47. (In Russian)
4. Vasil'ev S. D. Britanskoe vliyanie na politiku shakhskogo pravitel'stva v otnoshenii turkmenskikh plemen. Prevrashchenie Irana v teatr politicheskogo protivostoyaniya Rossii i Velikobritanii [British influence on the policy of the Shah's government towards the Turkmen tribes. Transformation of Iran into a theater of political

confrontation between Russia and Great Britain]. *Tsentrāl'naya Aziya na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII—XIX vv.: sbornik nauch. tr. mezhdunar. seminara* [Central Asia at the crossroads of European and Asian political interests. 18th—19th centuries. Collect. of sci. works of the Internat. seminar]. Moscow, OntoPrint Publ., 2019, pp. 290—300. (In Russian)

5. Dankov A. G. Britanskaya istoriografiya vtoroi poloviny XX v. o “Bol'shoi igre” v Tsentrāl'noi Azii [British historiography (second half of the XX century) on “The Great Game” in Central Asia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya — Tomsk State University Journal of History*, 2016, no. 3 (41), pp. 133—138. DOI: 10.17223/19988613/41/19. (In Russian)

6. *Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiiskoi imperii): kollektivnaya monografiya* [Imperial policy of acculturation and the problem of colonialism (on the example of nomadic and semi-nomadic peoples of the Russian Empire). Collective monograph]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2019. 480 p. (In Russian)

7. Koval'skaya S. I., Lyubichankovskii S. V. Fenomen dvizheniya v zhizni i kul'ture kochevykh kazakhov na territorii frontira (konets XIX — nachalo XX v.) [Phenomenon of Movement in the Life and Culture of Nomadic Kazakhs across the Frontier Zone, Late 19th to Early 20th Century]. *Oriental Studies*, 2023, no. 16 (1), pp. 59—74. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-59-74. (In Russian)

8. Lyubichankovskii S. V. Akkul'turatsionnaya model' ponimaniya imperii kak metodologicheskaya al'ternativa kolonial'nomu podkhodu [Accultural Model of an Empire as a Methodological Alternative to the Colonial Approach]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriya” — The Journal of Education and Science “History”*, 2019, vol. 10, is. 8. Available at: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/>. DOI: 10.18254/S207987840006065-0. (In Russian)

9. Lyubichankovskii S. V. Istoriya yugo-vostochnogo frontira Rossii: actual'nye problemy, sovremennye podkhody k ikh resheniyu [The History of Russia's South-Eastern Frontier: Current Issues, Contemporary Approaches]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii — RUDN Journal of Russian History*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 520—524. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-3-520-524. (In Russian)

10. *Natsional'nyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [National Historical Archives of Georgia]. F. 229. Op. 1. D. 59.

11. Pochekaev R. Yu. Turkmeny Akhal-Teke i Merva v kontekste otnoshenii pogranichnykh administratsii rossiiskoi imperii (1870—1880-e gg.) [Turkmens of Akhal-Teke and Merv Within the Context or Relations Between Frontier Administrations of the Russian Empire (1870s—1880s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2021, no. 470, pp. 171—179. DOI: 10.17223/15617793/470/20. (In Russian)

12. *Prisoedinenie Turkmenii k Rossii: (sbornik arkhivnykh dokumentov)* [The accession of Turkmenistan to Russia: (collect. of archival documents)]. Ashkhabad, Akademia nauk Turkmenskoi SSR Publ., 1960. 823 p. (In Russian)

13. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 1396. Op. 1. D. 82.

14. Sergeev E. Yu. Bol'shaya igra, 1856—1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentrāl'noi i Vostochnoi Azii [The Great Game, 1856—1907. Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia]. Moscow, T-vo nauch. izdaniia KMK Publ., 2012. 453 p. (In Russian)

15. *Sistematicheskii sbornik prikazov po voennomu vedomstvu i tsirkulyarov Glavnogo shtaba za vremya s 1 yanvarya 1869 goda po 1 oktyabrya 1887 goda* [Systematic Collection of Orders of the War Department and Circulars of the General Staff for the Period from January 1, 1869 to October 1, 1887]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha Publ., 1887. 1699 p. (In Russian)

16. Tikhomirov M. N. *Prisoedinenie Merva k Rossii* [The Annexation of Merv to Russia]. Moscow, Izd-vo vostochnoi literatury Publ., 1960. 239 p. (In Russian)

17. Uderbaeva S. K., Sagatov A. M. Otrazhenie anglo-russkogo sopernichestva v Tsentrāl'noi Azii v kontse XIX — nachale XX v. v nauchnoi literature [Reflection of Anglo-Russian rivalry in Central Asia in the late 19th — early 20th centuries in scientific literature]. *Tsentrāl'naya Aziya na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII—XIX vv.: sbornik nauch. tr.* [Central Asia at the crossroads of European and Asian political interests. 18—19th centuries. Collect. of sci. works]. Moscow, OntoPrint Publ., 2020, pp. 163—179 (In Russian)

18. Khalfin N. A. *Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii (60—90-e gody XIX v.)* [Annexation of Central Asia to Russia (1860—1890s)]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 468 p. (In Russian)

19. Hopkirk P. *The Great Game: On Secret Service in High Asia*. London, John Murray, 1990. 562 p.

20. Marvin Ch. *Merv, the Queen of the World; and the Scourge of the Man-Stealing Turcomans. With an Exposition of the Khorassan Question*. London, W. H. Allen, 1881. 547 p.

21. Marvin Ch. *The Russians at the Gates of Herat*. London, F. Warne, 1885. 178 p.

22. Marvin Ch. *The Russians at Merv and Herat, and their Power of Invading India*. London, W. H. Allen & Co., 1883. 470 p.

23. Morrison A. *The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion, 1814—1914*. Cambridge, Cambridge University Press, 2021. 613 p.

24. O'Donovan E. *The Merv oasis. Vol. 1. Travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81*. London, Smith, Elder, & Co., 1882. 502 p.

25. O'Donovan E. *The Merv oasis. Vol. 2. Travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81*. London, Smith, Elder & Co., 1882. 500 p.

26. Rawlinson H. *England and Russia in the East. A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia*. London, J. Murray, 1875. 393 p.

Информация об авторе

Д. В. Васильев — доктор исторических наук, доцент

Information about the author

D. V. Vasilyev — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 03.07.2024;
принята к публикации 20.11.2024

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 03.07.2024;
accepted for publication 20.11.2024